

СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматривается проблема осмысления понятия «социальный субъект». Показаны условия трансформации социального пространства как со-бытия субъектов. Утверждается принципиальная диалогичность социального бытия.

Ключевые слова: социальный субъект, идентичность, социальное пространство, социальное взаимодействие, коммуникация.

Розглянуто проблему осмислення поняття «соціальний суб'єкт». Показано умови трансформації соціального простору як спів-буття суб'єктів. Стверджується про принципову діалогічність соціального буття.

Ключові слова: соціальний суб'єкт, ідентичність, соціальний простір, соціальна взаємодія, комунікація.

The problem of comprehension of the concept «social subject» is considered. Conditions of the transformation of social space as co-existence of subjects are shown. Principled dialogical of the social existence is confirmed.

The keywords: social subject, identity, social space, social interaction, communication.

Постановка проблемы. Самодвижение материи стало категориальным трюизмом. Пространственно-временное описание досоциальных явлений не вызывает сегодня трудности. Но социальные явления легче интерпретируются временными отношениями, а не пространственными. Это объясняется особенностями социального времени, которое может совпадать с физическим. Проблема интерпретации социальных явлений посредством категории социального пространства пока не нашла окончательного решения. А без этого, по-видимому, нет научного понимания феномена социального субъекта.

Степень разработанности проблемы. Разработкой категории «социальное пространство» занимались Г. Зиммель («Социология пространства», 1903), П. Сорокин («Социальная мобильность», 1927), М. Вебер («Город. – Хозяйство и общество», 1922), М. Хайдеггер («Искусство и пространство», 1969), Э. Гидденс («Устроение общества: Очерк теории структуризации», 1984), П. Бурдьё («Социология социального пространства», 2005), П. Бергер и Т. Лукман («Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания», 1966). Для этих ученых понятие социального пространства является наиболее эффективным инструментом категориального синтеза социальной теории прежде всего в структуралистских интерпретациях. Но структуралистский уклон кажется недостаточным в деле понимания социального бытия.

Целью статьи является обоснование социального субъекта с позиций теории социального пространства и социального взаимодействия.

Изложение основного материала статьи. Надо отметить, что в существовании

социальных явлений момент изменения является абсолютным, определяющим по отношению к моменту покоя [11, с. 138]. По-видимому, «структурность» более важна для характеристики социального пространства, чем «протяженность». Социальное с таких (структуралистских) позиций раскрывается прежде всего через структуру. Структура и пространство в известном смысле здесь есть тождество. Время представимо сменой пространственных структур, следовательно, есть резон рассматривать социальное с позиции «пространства».

Напомним, что различные структурные уровни материи с определенными типам связей определяют и различные структуры пространства, а в конечном счете – различные типы пространства. Выделение различных типов пространства сопряжено с известными трудностями, связанными с выделением качественной специфики тех или иных видов пространства, обусловленных типами связей, отношений. Так, можно предположить, что по мере развития материи от неорганической формы к органической и человеческому обществу возникают новые виды пространства, соответствующие данному уровню движения материи, который характеризуется определенной системой взаимодействий, отношений, связей и т. п. И как было отмечено ранее, физические характеристики пространства не могут обусловить специфику социального пространства, но большое значение для социальных явлений имеют информационные, познавательные, коммуникативные процессы. Очевидно, анализ этой стороны социальных явлений позволит выявить определенные стороны сущности социального пространства. Тем более что пространство, связь, информация, познание, коммуникация взаимодействуют между собой самым тесным, но не тривиальным образом.

Однако здесь есть трудность, связанная с трактовкой понятия информации. Существуют два подхода к универсальному определению информации: атрибутивный и функциональный. Ряд ученых склонны давать неоправданно расширенную (атрибутивную) трактовку информации, рассматривая ее как всеобщее свойство материи [14, с. 47]. Считаю эту точку зрения неверной. Информация как таковая отсутствует в мире добиологических взаимодействий, в котором любой энергетический импульс всегда равен себе самому и не становится сигналом, не обретает никаких значений (смыслов), не совпадающих с его субстратными свойствами. В действительности косный мир обладает лишь потенциальной информационностью, которая актуализируется для систем, способных «считывать» информацию с ее материальных носителей. Феномен информационности свойственен только живой материи в отношении «живое существо – среда». Косная материя содержит в себе лишь потенциальную информацию, которая может быть распакована только живыми существами в форме паттерна внешних событий, вызывающего, направляющего и контролирующего поведенческую реакцию.

Адекватной полагаю точку зрения ученых, которые считают, что информацию можно определить как совокупность значимых сигналов, управляющих поведением, вырабатываемых и транслируемых саморегулирующимися системами, способными строить свои отношения со средой по принципу обратной связи, «тестируя» внешние воздействия и перерабатывая их в адаптивные реакции [10, с. 190]. Здесь, как нам кажется, правильно провозглашается и отказ от сведения информации к

умопостигаемым понятийным конструкциям, основанным на феномене «второй сигнальной системы». Ведь это только с субъектной, «человеческой точки зрения» одни объекты природы «обмениваются информацией» с другими, поскольку объективно всегда взаимодействуют.

Различие, разнообразие выступают как необходимые условия информации. Понимание информации как меры разнообразия тесно связано с представлениями о движении как изменении. В свою очередь, изменение есть вид различия. Социальное же возникает там, где умеют различать и различают прежде всего статусы и роли. Но здесь речь уместно вести уже о знании (познании): всякое знание есть информация, но не всякая информация есть знание.

Ключевым концептом, обеспечивающим обоснование социального бытия как различения (знания), является понятие деятельности. Уже в немецкой классической философии это понятие приобрело статус основополагающего принципа при объяснении человеческого бытия. Принцип деятельности получил дальнейшее, притом решающее, развитие в философии современного материализма (марксизма) и в его социально-экономической теории. Если в немецком идеализме объяснительная нагрузка понятия деятельности направлялась на то, чтобы раскрыть активную природу духа, то в марксизме сама деятельность становится подлинной субстанцией культуры, всего человеческого мира. Такая постановка вопроса по-новому интерпретирует содержание понятия деятельности. Как справедливо пишет российский философ Э. Г. Юдин, объяснение явлений социальной действительности через понятие деятельности позволяет избежать для традиционной гуманистики психологизма, открывает буквально целые пласты новой, надындивидуальной реальности [16, с. 294]. Действительно, деятельность становится объяснительным принципом, важнейшим методологическим условием построения теоретической картины мира в целом и в частности социально-исторической природы человека, следовательно, деятельность надо полагать и эвристическим принципом.

Отметим, что схожего мнения придерживается российский социальный философ К. Х. Момджян, который считает, что деятельность представляет собой не просто адаптивный, а «адаптивно-адаптирующий» процесс, т. е. приспособление к природной среде путем ее масштабной предметной переработки, ведущей к созданию искусственной среды существования человека или артефактной «второй природы» [10, с. 203]. К. Х. Момджян справедливо подчеркивает, что речь идет о родовом свойстве деятельности, характеризующем любую из ее историко-культурных форм. Согласно философу, деятельность есть целесообразный [10, с. 196], адаптивно-адаптирующий процесс, процесс окультуривания среды обитания человека.

И действительно, если последовательно стоять на научно-философских позициях, то главная «цель», содержание активности живых систем объясняется выживанием. Но выживание выживанию – рознь. Способы выживания червя и человека различаются. Человек, приспособляясь к окружающей среде, существенно изменяет, окультуривает ее параметры.

Действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие, называют коммуникативными. Коммуникация (лат. *communicatio* – сообщение, передача) – смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия [9,

с. 322]. Основная функция коммуникации – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента. Если раньше язык полагался лишь средством коммуникации, то теперь сама коммуникация погружается в структуры языка, становится пространством, в котором разворачиваются те или иные языковые формы. Такой поворот открыл горизонты для искусственно-технического отношения к организации коммуникации. За счет ставшего массовым конструирования языковых и знаково-семиотических средств коммуникация стала оискусствляться, приобретая различные организованные формы.

Рассматриваемая нами связь понятий структуры социального пространства, информации, познания, деятельности и коммуникации необходима для дальнейшего раскрытия понятия социального субъекта, который помещает самого себя как объект внутри своего социального, символического окружения.

Как видим, всеобщие признаки пространства (структурность, мерность, объективность), безусловно, приложимы и к социальному пространству, но проявляются здесь по-особому. Конкретизация всеобщих признаков социального пространства должна проводиться с учетом специфики социальной формы движения. Проявлениями такого движения выступают социальная дистанция и социальная мобильность. Социальная дистанция есть дистанция между классами, социальными группами, личностями в социальной структуре общества. Социальная мобильность есть подвижность социальных групп и индивидов в общественной структуре.

Социальное пространство как форма социального бытия выступает и как способ существования общественных явлений, их атрибут, выраженный в движении, в последовательном изменении, в историческом процессе. Одновременно эта форма является условием существования общественной жизни.

Итак, под социальным пространством будем понимать, прежде всего, такое пространство, которое формируется социальными процессами и взаимодействиями и в котором эти процессы и взаимодействия реализуются. Далее, социальное пространство можно понимать и как форму существования социального бытия. Поэтому надо говорить о понятии социального пространства как о социально-философской категории, отражающей форму существования высшего структурного уровня организации бытия, т. е. общества. Здесь имеем дело с диалектическим взаимодействием содержания и формы.

Еще замечание. Социальное пространство не сводится к физическому пространству социума, а детерминировано человеческой субъективностью. Бытие социального субъекта имеет пространственную структуру. Во-первых, человеку предзадано фактом его рождения в обществе ощущать упорядочивающее действие социального пространства, а именно положение человека в социальном пространстве предопределяет, до известной степени, бытие человека. Во-вторых, человек в силу вариативности и креативности своей субъективности создает новые пространственные отношения, т. е. структурирует социальное бытие по-новому. Поэтому как социальное пространство создает человека как ансамбль социальных отношений, так и человек склонен создавать нужное ему социальное пространство (здесь люди различаются лишь масштабами социального творчества). Социально-философская мысль занимается разработкой этих двух направлений и их синтезом

при обосновании феномена социального субъекта.

Так, в рамках социальной теории относительно пространства как структурирующего и определяющего начала концепция социального пространства получила реализацию у Э. Гидденса, который утверждал [13, с. 42], что структурная организация есть неперенное условие устойчивости процессов социальных взаимодействий. Общество создается в результате пространственно-временной структуризации этих взаимодействий.

Наибольшую «структуралистскую» разработанность категория социального пространства получила в работе П. Бурдьё, который полагал [4, с. 56–57], что социальный мир можно изобразить в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, т. е. свойств, способных придавать их владельцу силу и власть в этом универсуме. Отдельные субъекты и группы, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям, и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если это мысленно возможно.

Обращение гуманитарной теории к анализу категории социального пространства, по П. Бурдьё, оказывается адекватным в ситуации колебания социальных наук между объективизмом и субъективизмом. Первая традиция создает, как кажется, дедуктивно строгие, верифицируемые, целостные теории, оказывающиеся, однако, неспособными дать значимый достоверный прогноз социальных процессов. Вторая традиция размывает грань между научным и интуитивным знанием. П. Бурдьё предлагает применить к социальному миру так называемый реляционный метод, а именно помыслить не субстанции, а связи.

И все же субъективная повседневная реальность становится главным наполнением социально-пространственных отношений [8]. Действительно, относительно правомерности структурно-объективистских суждений при трактовке социального пространства можно сделать вывод, что все общество обретает пространственное измерение по мере становления человеческой личности. Более того, законы освоения физического пространства лишь до определенной степени определяют процессы конструирования социальных пространств. Мир человека на ранних стадиях социоантропогенеза представлял собой предметный мир, целостность которого была скорее «дана» взаимным положением и связями объектов, а не «задана», не помыслена. Однако и эта данность, объективность условна, поскольку в той степени, в какой объект вообще может быть дан субъекту-наблюдателю, он задан, он помыслен, он сконструирован. Поэтому социальное пространство есть задающее условие социального взаимодействия социальных субъектов.

Будучи однажды созданным, социальное пространство начинает жить по своим законам и производить человека с вполне конкретными характеристиками социально-пространственной предопределенности. Так, Н. Л. Виноградова пишет: «Например, произведенное человеком пространство храма при обращении к нему или при вписывании в него человека создает у обратившегося вполне определенную социальную реакцию (не шуметь, снять головной убор, потупить взор и т. д.). Это

пример трансформации физического пространства в социальное, но особенностью социального пространства является то, что оно может не иметь физического местоположения. Тот же храм может быть в сознании некоторой общности людей, и мысленное обращение к нему или укорененный уклад, традиция могут иметь тот же эффект – вхождение в социальное пространство храма» [5, с. 41].

Однако социального субъекта невозможно просто «включить» в пространство, «вписать» в социальное поле: субъект есть действующий фактор, который своей творческой энергией проблематизирует социальное пространство. Тогда, социальное пространство и интегрирует субъекта, и интегрируется им. А это есть непрерывный процесс диалогического взаимодействия субъектов. Здесь, как полагает В. Е. Кемеров [7, с. 100], социальность пространства и времени может быть по-настоящему понята именно на уровне человеческого индивида; не в привязке только пространства-времени к функционированию больших социальных систем, а в формах связи индивидов хронотоп раскрывает свое социальное значение и обнаруживает его как раз в наиболее непосредственных человеческих актах и взаимодействиях.

Человек с самого начала своего личностного развития оказывается втянут в метафизическое освоение реальности. Вступая в чисто физические, казалось бы, контакты с вещами, он вынужден осваивать человеческие способы взаимодействия с ними (обоснование производства как единого процесса опредмечивания и распределенного создает условия научного понимания сотворения субъект-объектной коллизии). Так, уже Л. Фейербах в теории освоения мира по-новому интерпретирует само понятие «объект». По Л. Фейербаху, понятие объекта первоначально формируется в опыте человеческого общения, и поэтому первый объект для всякого становящегося человека – это другой человек («субъект», «Ты»). Этот «Другой» признается внешней, объективной реальностью, а тем самым признается существование вообще внешних вещей, объективного мира.

Показателен пример Н. Л. Виноградовой [5, с. 45–46] того, что именно ребенок демонстрирует модель создания человеком социального пространства: на отведенном участке игровой комнаты может быть создано пространство совсем иного рода (относительно пространства, например, квартиры), оно будет иметь свою структуру, систему социальных отношений и, в конечном итоге, уходить далеко за пределы комнаты, дома, города, иметь выход действительно во все многообразие социального мира.

Проблему формирования социального пространства взаимодействия человеком исследователи решают, в общем-то, схожим «медиаторным» подходом. Социальное пространство возникает во взаимодействии субъектов на «общей территории» (Б. Ванденфельс). Мартин Бубер готов подробно описать эту ситуацию: «Первым шагом должно быть разрушение фальшивой альтернативы, которая была введена в обиход мышления нашей эпохи, альтернативы "индивидуализм или коллективизм". Первым вопросом должен быть вопрос об истинном третьем; при этом под "истинным" третьим следует понимать взгляд, который не может быть отнесен ни к одному из первых двух, и не может представлять собой простое примирение между этими двумя... Фундаментальным фактом человеческого существования не являются ни отдельный человек как таковой, ни общность как таковая. И то, и другое, при

рассмотрении самыми по себе, являются только мощными абстракциями. Отдельный человек является фактом существования, пока он вступает в живую связь с другими отдельными людьми; общность является фактом существования, пока она возникает из живых отдельных связей. Фундаментальным фактом человеческого существования является человек с человеком. Характерно обозначает мир людей прежде всего иного то, что возникает здесь между существом и существом, подобного чему нигде в природе не найти. Язык для него только знак и коммуникативное средство, вся духовная работа пробуждена через это... Эту сферу, установленную существованием человека как человека, но терминологически еще не определенную, я называю сферой "Между". Она есть исходной категорией человеческой реальности, если даже она реализуется в очень различных степенях. Отсюда должен исходить и истинный третий... "Между" расположено по ту сторону субъективного, по ту сторону объективного, на узком гребне, на котором встречаются Я и Ты» [3, с. 92-94].

Таким образом, философская наука о человеке должна исходить из рассмотрения предмета «человек с человеком». Этот предмет «перед лицом Третьего» в скрытом виде уже содержался в религиозном сознании исторически передовых народов.

Понятие «третьего» как некой «понимающей» сферы вводит и М. М. Бахтин. Третий, по М. М. Бахтину, является гарантом сохранения и распространения «продуктов», выработанных взаимодействующими индивидами. Философ утверждает: «Самое понимание входит как диалогический момент в диалогическую систему и как-то меняет ее тотальный смысл. Понимающий неизбежно становится третьим в диалоге (конечно, не в буквальном, арифметическом смысле, ибо участников понимаемого диалога кроме третьего может быть неограниченное количество), но диалогическая позиция этого третьего – совершенно особая позиция. Всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает. Это второй (опять же не в арифметическом смысле). Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего наадресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в Далеком историческом времени. (Лазеичный адресат.) В разные эпохи и при разном миропонимании этот наадресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.)... Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами)» [2, с. 323].

Предварительно заметим, что социальное пространство не является вспомогательной конструкцией при исследовании социального, это пространство реально существует, будучи созданным взаимодействием субъективных миров человеческих индивидов и приобретшее надиндивидуальный характер. Социальное пространство определяют диалогические отношения «далеких и близких контекстов», а именно общезначимые системы символов-смыслов. Способность к символическому (социальному) создает общество. Сознательное поведение индивида формируется в

процессе освоения социального пространства, предполагающего манипуляцию символами, которые представляют и самого субъекта, и различные аспекты его окружения.

Однако смыслы лишь в том случае наполняют социальное пространство, выполняют функцию медиатора социальности, когда они могут быть проинтерпретированы субъектами. Знак, несущий смысл, становится бесполезным, если тот, кому он предназначен, не способен его понять. Общего социального пространства здесь попросту не возникает.

Характерным примером проблем, связанным с разным видением природы структурирования социального пространства, являются две основные интерпретации концепта идентичности, а именно объективистская и субъективистская методологии. «Объективизм» при объяснении социальных процессов опирается на предпосылку о существовании объективной специфики группы, обуславливающей идентификацию индивида с себе подобными. «Субъективизм» не ставит под сомнение сам факт существования объективных отличий, однако задается вопросом, почему одни факторы (например, национальность, язык) определяют коллективные действия, а другие (например, цветовые предпочтения, рост) – нет. Эта точка зрения приводит к выдвиганию тезиса о том, что единство составляющих группу людей в их мнении о существовании группы и об их к ней принадлежности не менее (а то и более) важно, чем объективная специфика группы. Это в свою очередь актуализирует вопрос о закономерностях формирования и поддержания идентичности, которые уже нельзя вывести из объективной групповой специфики [6].

Социальное пространство существует, будучи выраженным в определенных формах, одной из которых является текст или слово. Именно в слове как посреднике между субъектами и видится социальное пространство. Слово есть высший знак социальности. Социальное предстает в смыслах, заключенных в словах; смыслах, природа которых состоит в требовании понимания, интерпретации.

Говоря о языке как медиаторе в формировании социального пространства, подчеркнем его значимость для репродуцирования практики. Углубляя проблематику социального пространства как пространства понимания, В. Франкл отмечает: «Я бы сказал, что диалог без логоса, диалог, в котором отсутствует направленность на интенциональный рефрен, – это в действительности взаимный монолог, всего лишь взаимное самовыражение... Быть человеком по сути означает находиться в отношении к чему-то и быть направленным на что-то иное, нежели он сам» [15, с. 322–323]. По В. Франклу, социальным пространством является совокупность смыслов, или «логос» как некий «интенциональный рефрен».

Но известна огромная роль внерациональных моментов социального взаимодействия (Л. Витгенштейн: «язык не выражает того, что он выражает»). Ограниченность логического («логоса») заключается в неединственности языка (второй сигнальной системы) в качестве посредника в широком семиотическом смысле как всякой знаковой системы. Социальное пространство смыслов наполняется не только рациональными составляющими, но и переживаниями.

Мы отгадываем смысл слов, мы угадываем смысл деятельности. Большинство теорий понимания не учитывают экспрессивный характер освоения человеком мира.

Идею связи разума и чувственности всесторонне развил Э. Кассирер в своей концепции о «символическом понятии», призванной усилить тот тезис, что всякое осознаваемое восприятие всегда есть продукт совместной работы чувственной перцепции и духовной апперцепции. Наделение любого чувственного восприятия смыслом есть фундаментальная способность человека как *homo symbolicus*.

Тезис Э. Кассирера о необходимой связи разума и чувственности развил М. М. Бахтин в своих рассуждениях. По М. М. Бахтину, быть человеком – значит быть в диалогических отношениях с другими людьми. Причем говорящий, познающий и действующий человек всегда сам себе «идеолог», а именно в любом речевом акте всегда слиты воедино пропозициональные, нормативные и экспрессивные моменты. Поэтому в этой связи разума и чувственности не может быть незаинтересованного познания, так же как и нейтральной «позитивистской» объективной реальности. Как утверждает М. М. Бахтин, «единство мира эстетического видения не есть смысловое систематическое, но конкретно-архитектоническое единство, оно расположено вокруг конкретного ценностного центра, который и мыслится, и видится, и любитя. Этим центром является человек, все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотношении с человеком, как человеческое» [15, с. 509].

Рассуждения М. М. Бахтина намечают границы диалога, пределы взаимопонимания. Причем смысл и есть граница понимания, поскольку смысл есть не только совокупность логико-семантических значений, но эти значения, взятые в их значимости для индивида. Рациональность и экспрессивность функционально связаны друг с другом. Рациональность обеспечивает установление отношений с миром, а экспрессивность обуславливает значимость этих отношений для индивида. Свободное от аффектов познание является патологическим.

Следовательно, убежденность есть необходимый эмоциональный элемент рациональных познавательных процессов. Знание не существует без убеждения. «Убежденность следует понимать как усвоение общечеловеческих знаний из собственной индивидуальной перспективы. Она опосредует собой intersубъективные символические системы и индивидуальный опыт человека путем трансформации внешнего во внутреннее. Фундамент для убежденности образует культурный багаж, предоставляемый жизненным миром, который был усвоен человеком и превратился в бессознательную шкалу для оценки фактов и событий. Таким образом, диалог нельзя рассматривать как простой обмен информацией, как чисто рациональный процесс. Диалог это всегда диалог мировоззрений, и как таковой он имеет свои внутренние пределы» [12, с. 157].

Отметим, что успешный диалог нуждается еще и в конгенности сторон диалога как соразмерности творческих потенциалов людей. А здесь речь идет уже о задатках нервной системы человека, т. е. о степени адаптации к изменениям окружающей среды.

О диалоге как методе адаптации социального человека и медиаторе в образовании социального пространства говорил уже К. Маркс в своей концепции воспроизводства социального. Это воспроизводство есть всеобщая форма «самодетельности» человека. Именно К. Маркс стал первым рассматривать труд как

воспроизводство человеческих отношений, как создание человеком самого себя.

Подчеркнем еще раз, что в конечном счете движущей силой развития человека и общества выступают потребности (интересы), их разнообразные модификации, порожденные всей совокупностью общественных отношений. Деятельность человека как раз и направлена на удовлетворение потребностей.

Главное противоречие, которое пытаются разрешить теоретики проблемы человека, – противоречие между индивидом и родом. Индивиды всегда и при всех обстоятельствах «исходят из себя», но не как самодостаточные, а как зависимые от других индивидов в удовлетворении своих потребностей («человек – высшее существо для человека»). Движение от индивидуального к социальному – путь формирования социальной философии. Движение от социального к индивидуальному – путь формирования философской антропологии, выявление смысла человеческой жизни. Мысль представителей «общей науки о человеке» вращается в этом диалектическом кругу.

Человек выступает субъектом собственной истории в следующем смысле. Практические усилия людей, индивидов вовсе не являются направленными на высшие цели человечества. Напротив, они носят характер частный, личный, конечный. Однако поскольку люди являются общественными существами, т. е. связанными с другими людьми множеством объективных «форм общения» (отношений), то их индивидуальное развитие и деятельность осуществляются в некоторых общих условиях и направлениях. Изменение же основных условий жизни, и прежде всего производственной деятельности, соответственно приводит к изменению самих людей. Самоизменение людей в истории – основа их эмансипации («освобождения человека от отношений односторонней зависимости»), и этот процесс осуществляется по объективным историческим законам. Здесь проблема эмансипации человека преобразуется в проблему исторического развития индивидов и общества («"освобождение" есть историческое дело, а не дело мысли, и к нему приведут исторические отношения, состояние промышленности, торговли, земледелия, общения...»). Человек производя «вещи», «идеи», «людей», производит и развивает самого себя как «свободного» человека. Историческое движение самоизменения человека есть закон «субъектности» человека.

Выводы. Суммируя сказанное о социальном пространстве и возможности его трансформации, полагаем его созданным социальными субъектами их внутренними мирами, их взаимодействием. Социальное пространство следует понимать не неким нейтральным фоном, на котором происходят социальные взаимодействия, не вместилищем взаимодействия субъектов, а со-бытием этих субъектов. Субъекты «больше» социального как символического навязывателя смыслов. Социальное и детерминирует субъекта, и мотивирует его на креатив.

Социальные взаимодействия не просто бытийствуют в некоем фиксированном социальном пространстве как пассивной среде, как в субстрате, наоборот, социальные взаимодействия задают топологию этого пространства, т. е. космологию, структуру социального бытия. В способности взаимодействовать в социальном пространстве субъект все более проявляет себя как его создатель и через созданное со-бытие креативно воздействует на самого себя. С этих позиций «социальный субъект» –

Черниенко В. А. **СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

субъект, самоопределяющийся в символических конструктах социального пространства, целенаправленно меняющий структуры последнего.

Литература:

1. *Бахтин М. М.* Заметки (1920-е годы) / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1986. – С. 509–531.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
3. *Бубер М.* Проблема человека / М. Бубер ; пер. с нем. – К. : Ника-Центр, Вист-С, 1998. – 96 с.
4. *Бурдьё П.* Социология политики / П. Бурдьё. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
5. *Виноградова Н. Л.* Социальное пространство и социальное взаимодействие / Н. Л. Виноградова // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 39–54.
6. *Горшкова В. С.* Основные подходы к исследованию понятия идентичности в социальных науках [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit35.html>
7. *Кемеров В. Е.* Введение в социальную философию / В. Е. Кемеров. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 215 с.
8. *Козлова Н. Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 47–56.
9. Коммуникация // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Мн. : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
10. *Момджян К. Х.* Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М. : Высш. шк., КД «Университет», 1997. – 448 с.
11. *Потемкин В. К.* Пространство общества и его структура / В. К. Потемкин, А. Л. Симанов // Пространство в структуре мира. – Новосибирск : Наука, 1990. – С. 128–173.
12. *Соболева М. Е.* О возможности диалога между культурами / М. Е. Соболева // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 147–157.
13. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск : Новосибирский ун-т, 1995. – 120 с.
14. *Урсул А. Д.* Отражение и информация / А. Д. Урсул. – М. : Мысль, 1973. – 231 с.
15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл ; пер. с англ. и нем. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
16. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 391 с.